

ОТЧЕТ ПЕРЕД РОДИНОЙ О РАБОТЕ И ЖИЗНИ И ОБ ИСПЫТАНИЯХ ВОЕННОГО ИСТОРИКА ГЕОРГИЯ ГАБАЕВА

Сводка автобиографических материалов 1877—1945 гг.

Георгий Соломонович Габаев был фигурой сколь уникальной, столь и типичной для русской гвардии, в которой служил значительную часть жизни.

Будучи кадровым военным, боевым офицером времен Первой мировой войны, занимавшим ответственные командные посты, Габаев, смолodu увлекшись военной историей, стал в этой области таким же профессионалом, что и в военном деле. С одной стороны — это нетривиальная ситуация. Но с другой — он продолжил прочную традицию русской военной интеллигенции, начало которой восходит ко времени декабристов, его будущих героев.

Георгий Соломонович Габаев (1877—1956) был по отцу потомком знатного грузинского рода, а по матери — французских эмигрантов. Он учился во Владимирском киевском кадетском корпусе, из которого перешел в Николаевское инженерное училище. Начал службу в армейских саперах, откуда как подающий надежды молодой офицер был переведен в лейб-гвардии саперный батальон. Тогда же началась его работа военного историка, которую он успешно сочетал со службой. В это время он прослушал курс в Петербургском археологическом институте.

К началу Первой мировой войны гвардии капитан Габаев пользовался широкой известностью как военный историк, разработавший стройную концепцию воссоздания военного быта русской армии, как автор оригинальной теории «полковых родословий».

Во время войны Габаев продемонстрировал качества блестящего офицера-профессионала. В 1915 г. он был произведен в полковники. Лейб-гвардии саперный батальон был развернут в полк, и Габаев стал командиром батальона. Он был награжден четырьмя боевыми орденами, а к орденам мирного времени за выслугу лет получил «мечи и банты», что превращало их в боевые награды.

Одновременно с должностью командира батальона он был назначен на весьма ответственный пост корпусного инженера 1-го гвардейского корпуса.

За участие в брусилковском прорыве — сокрушительном наступлении русской армии на Юго-Западном фронте летом 1916 г., а особенно за героизм, проявленный в тяжелейших боях на реке Стоход, батальон Габаева был награжден Георгиевскими трубами.

После событий конца февраля 1917 г. стало ясно, что гвардии полковник Габаев необычайно популярен в солдатской среде.

Можно, однако, представить себе, каких усилий стоило Габаеву в революционной ситуации развала армии и фактического исчезновения дисциплинарных сдержек, когда убийства офицеров и уход с позиций были обыденными явлениями, находить общий язык с солдатами и сохранять полк. Основой этого мог быть только высочайший человеческий и боевой авторитет Габаева. Сам он назвал потом свое командование полком в 1917 г. «тяжелым крестом».

Но Габаеву было свойственно высочайшее чувство патриотического долга.

Весной 1918 г. в Петрограде был организован Центральный комитет по управлению архивами, которым заведовал интеллигентный большевик Д. Б. Рязанов. Реальным руководителем комитета стал один из крупнейших русских историков С. Ф. Платонов. Для организации Военного отделения Главархива по рекомендации маститых ученых был приглашен Габаев. «Удалось подобрать блестящий состав сотрудников, — писал потом Габаев, — и работа закипела». Причем работа эта проходила в тяжелейших условиях голодного замерзающего Петрограда.

В марте 1921 г. во время Кронштадтского мятежа Габаева арестовали вместе с множеством других бывших офицеров. Через месяц его освободили. В Главархив он не вернулся. Там уже начальствовал М. Н. Покровский, историк-большевик, человек политически агрессивный, сыгравший впоследствии зловещую роль во многих судьбах, в том числе в судьбе Габаева. Габаев поступил на службу в Военно-историческую секцию Петроградского отдела музеев. При этом он занимался разработкой теории архивно-музейного дела в сфере военной истории.

Блестящий образец характерного для Габаева жанра — «Гвардия в декабрьские дни 1825 года» — самая значительная из опубликованных его работ. Она была издана в качестве приложения к незаурядному исследованию профессора А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 года». Книга вышла в 1826 г. Ни исследование Преснякова, ни труд Габаева не переиздавались.

А обстоятельства складывались драматически. Причем главные испытания были впереди...

Габаев был человеком чрезвычайно разносторонних интересов. Кроме напряженной архивной работы он в это же время серьезно занимался историей, а быть может, и практикой оккультизма. Возможно, это было последствие его предвоенного масонства. Власть с острой подозрительностью относилась к любым формам неофициального объединения. Через несколько лет за участие в студенческом кружке был отправлен на Соловки Д. С. Лихачев.

В 1925 г. Габаев был привлечен как свидетель к следствию по делу оккультного кружка, из которого он уже вышел. Несколько позже его обвинили в недоносительстве, отказе от дачи показаний. Он был арестован и отправлен в северную ссылку, в район тогдашнего Усть-Сысольска — ныне Сыктывкара. «Службу в Усть-Выме мне получить, конечно, не удалось, серьезную историческую работу за отрывом от источников интенсивно продолжать не смог и перешел частью на литературно-графические работы по глубоко изученным ранее вопросам декабризма и аракчеевского военного быта изученной эпохи (1796—1856)».

В октябре 1928 г. Габаеву разрешили переехать в Курск. Однако надвигались куда более страшные времена.

В 1929 г. параллельно с началом коллективизации, то есть с уничтожением крепкого, знающего себе цену крестьянства, начинавшего осознавать свою политическую силу, власть приступила к планомерному подавлению интеллигенции. По указанию Сталина следователи ОГПУ сфабриковали «Академическое дело», в жернова которого было втянуто до полтора десятка ученых-гуманитариев.

10 мая 1931 г. Габаев был приговорен к расстрелу, замененному десятью годами концлагеря, и отправлен на Соловки. Это был не первый расстрельный приговор. В 1919 г. за участие в защите Петрограда от Юденича полковник Габаев был заочно приговорен к расстрелу белыми.

Немолодой, больной Габаев выжил только потому, что и на Соловках, и в других лагерях, куда его перебрасывали, администрация использовала его на канцелярских должностях — письмоводителем, техническим редактором монографии о Беломорканале, а в конце заключения в Дмитлаге — инженером техинспекции.

После освобождения в 1938 г. начались ссылочные мытарства, нищенская жизнь в чудовищных подчас условиях. Одно время Габаев с женой — из рода декабриста Розена — жили в углу коммунальной кухни. Габаеву неоднократно предлагали подать прошение о смягчении участи, но при этом непременным условием было признание своей вины и раскаяние. И каждый раз Габаев отвечал решительным отказом. Все эти страшные годы Габаев работал. В частности, совершенствовал карту-план расположения войск на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Это он и называл «литературно-графической работой».

Воспоминания он писал в самодельном блокноте, очевидно из экономии.

Он умер в 1956 г., оставив десятки исследований, не считая неоконченных.

В фонде Габаева в РНБ хранятся сотни листов подготовительных материалов к монументальному труду об исторической достоверности «Войны и мира» с анализом многочисленных неточностей, касающихся в основном военного быта эпохи. Проблемой «Войны и мира» Габаев занимался много лет совместно с коллегой и другом В. А. Афанасьевым.

Нельзя сказать, что Габаев забыт. Его помнят и почитают историки.

Яков Гордин

Чтобы написать собственные воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком... достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет рассказать...

А. И. Герцен. «Былое и думы»
Предисловие к английскому изданию II части

...восстали на меня свидетели лживые... Пс. 26, ст. 12
...воздают мне за добро злом... Пс. 108, ст. 5
Поношение сокрушило сердце мое... Пс. 68, ст. 21
Вступишь в дело мое и защити меня... Пс. 118, ст. 154
Отврати поношение мое... Пс. 118, ст. 39
...и я дам ответ поносящему... Пс. 118, ст. 42

Книга псалмов

Мы не можем не говорить того, что видели и слышали.
Кн. Деяний Апостолов. Гл. 4, ст. 20

...лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые.
Первое послание Апостола Петра. Гл. III, ст. 17

А кто после тебя расскажет об этом? Разве мы дали тебе право унести это с собою...
Академик И. Ю. Крачковский. «Над арабскими рукописями»

Одна за другой встают передо мной картины прошлого. Бесконечной лентой все дальше и дальше разворачиваются они в памяти, я не в силах, не хочу их остановить...

Там же

Сводка материалов к автобиографии военного историка (с 1901 <г.>), члена-учредителя Русского Военно-исторического Общества (1907 <г.>) и члена Совета этого общества (с 1910 <г.>), почетного члена Археологического института (Ленинград, 1919 <г.>), инжвоек (с 1895 <г.>), бывшего гвардии полковника (с 1915 <г.>), составителя истории и организатора музея гвардейских сапер (с 1907) и их последнего командира (июль 1917 — март 1918 <г.>), бывшего организатора военных архивов Ленинграда (1918—1919 <г.>), начальника 21 Военно-полевого строительства Красной Армии (на защите Ленинграда 1919—1921 <г.>), руководителя организации и работы ленинградских военных музеев и фондов (1921—1926 <г.>), ныне инвалида-инвалида (с 1938 г.) Георгия Соломоновича Габаева (рожд. 1877 г.)

Оглавление

Вместо вступления

I Происхождение и детство (1877—1888)

II. Кадетские годы (1888—1895)

III. В рядах инженерных войск мирного времени (1895—1914)

IV. На историческом фронте (1901—1914)

V. На фронте Первой мировой войны (1914—1917)

VI. В первый год революции на фронте (март 1917 — март 1918)

VII. После войны в Ленинграде (1918—1926)

VIII. «Мои университеты», коллекции, «ремешковые» увлечения, «сражательства», друзья и недруги, достижения и крушения

IX. Мои испытания в 1921 г. и с 1926 г. по настоящее время

Послесловие

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ (1946 г.)

В настоящей сводке автобиографических данных я стремился дать отчет перед Родиной, правдиво и искренне изложить главные данные о моей 25-летней военной службе, 45-летней научно-исследовательской работе и разновременной работе по архивной и музейной линии, а также о детстве и учебных годах как подготовке к служению Родине. Более подробно я остановился на тяжелых (смело скажу, незаслуженных) испытаниях моих за последнее 20-летие.

Сводка разрослась далеко за желаемые мною пределы. Поэтому я по возможности исключил все, что касается моей личной внутренней духовной жизни, а также жизни семейной и сердца. Сохранил я лишь то, что может дать верное представление обо мне как гражданине, военном служащем и научном работнике, о моей службе Родине, об испытаниях, пережитых и переживаемых. За точность и правдивость всего сообщаемого мною ручаюсь и принимаю полную ответственность, равно и за точность скрепленных мною копий документов и приложенных сводок, составленных мною, и других приложенных документов и справок. Я стремился дать точный и правдивый, честный отчет¹ о главных сторонах моей долголетней службы, научной работы и жизни и, вероятно, погрешил излишней подробностью², опасаясь упустить что-либо существенное, но ведь без меня этих данных никто привести не сможет, а опустить и не использовать их всегда возможно. Вообще написал о себе так, как за 45 лет работы писал о других.

Г. Габаев
30/III-45

P. S. Не надеюсь вовсе, что правдивый отчет облегчит остаток моих дней, но, может быть, послужит моей реабилитации за гробом.

31-III-45

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО (1877—1888)

Родился я 6 (18) февраля 1877 года в городе Симферополе в доме моего деда, В. П. Руссет, по Садовой ул. Отец мой, штаб-ротмистр (в 1877 г., с 1883 г. — подполковник) Соломон Захарович Габаев (1842—1886) был командиром 2-го (Симферопольского) эскадрона Крымского дивизиона и заместителем командира дивизиона. Происходил он из одного из пяти древнейших дворянских родов (Габашвили, Габаонелли), давшего Грузии немало видных представителей на государственном и военном поприще и в грузинской литературе (лирик Бесо Габашвили, его отец-сатирик, Елена Габашвили и др.). Сам он начал боевую службу на Кавказе в Тифлисском гренадерском и Нижегородском драгунском полках, а в 1874 г. был назначен Александром II на формирование Крымского эскадрона. Здесь он в 1876 г. женился на моей матери Лидии Викторовне Руссет (1857—1877) из обрусевшего старинного рода французских гугенотов. Мать умерла, когда мне было шесть недель,

отец — когда мне было 9 лет. К отцу у меня было какое-то обожание. Он оказывал на меня громадное влияние и успел крепко заложить во мне уважение к достоинству человека и любовь к солдату. Я всегда старался заслужить такое же уважение, доверие и любовь, каким пользовался отец среди солдат своего эскадрона, крымских татар.

Воспитывала меня бабушка, мать моей матери Надежда Ивановна Руссет (+ 1901, урожденная Алексеева³), перенесшая на меня всю свою любовь к рано погибшей дочери. И она, и дед мой Виктор Петрович Руссет были люди тихие, скромные, но рыцарственно-благородные, искренне гуманные и, для своего времени, очень широких взглядов. Братьев и сестер у меня не было. Вырастая в обществе двух баловавших меня стариков, я получил скороспелое раннее умственное развитие, но значительно отстал в физическом. Отец опасался для меня крайней избалованности и, умирая, взял с бабушки слово, что она отдаст меня в кадетский корпус. Это не удалось исполнить в 1887 г., т. к. я заболел, а удалось в 1888-м, когда я был подготовлен во 2-ой класс.

И у бабушки и в корпусе я получил русское воспитание, родным языком был для меня всегда русский, и поэтому всегда считал себя русским, хоть и грузинско-французского происхождения. За ранней смертью отца научиться грузинскому языку, языку моих предков, мне, увы, не удалось. Вообще способностей к языкам у меня не было. С детства научен был французскому, а попытки овладеть немецким и английским не удались.

II. КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

(Киевский корпус. 1888—1895)

Директор корпуса не допустил меня к экзамену во 2-ой класс, а только в 1-ый, где я сразу добился первенства, несмотря на то, что большую часть года провел в лазарете. Первенство я сохранил до конца корпуса, но вице-фельдфебелем не был, т. к. хотя и не был шалуном, но директор называл меня не иначе, как «протестант», и три раза я понес высшее наказание — сбавку балла за поведение: в 3-м классе за угощение класса мороженым, в 6-м, весной 1894<-го,> — за препирательства с законоучителем и директором, и в 7-м 2 балла за участие в так называемом «кадетском бунте» в октябре 1894 г.⁴ Это грозило мне волчьим билетом без права на продолжение образования. Понемногу по секрету мне набавили баллы, и я не пострадал, и в лагере 1895 г. произвели в вице-унтер-офицеры, но бунт помешал мне осуществить мою мечту, поступить в университет на историко-филологический факультет. Напуганная этой историей, бабушка, опасаясь моей тогдашней горячности и увлечения передовыми идеями, умолила меня сперва пойти в военное училище. Я избрал Инженерное, где не было «цука», минимум шагистики, более культурный товарищеский быт. О корпусе должен добавить, что в старших классах учебное дело было поставлено самым передовым образом, вовлекая кадет в самостоятельную расширенную проработку курсовых тем, по университетским пособиям, с замечательным подбором молодых преподавателей, доцентов Киевского университета, из которых особенно ценил Пискорского. В самой же кадетской среде ключом была умственная жизнь и процветали кружки самообразования, литературный, спиритический и по изучению буддизма, теософии и гипнотизма. Во всех кружках я принимал активное участие⁵.

III. В РЯДАХ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК МИРНОГО ВРЕМЕНИ

*Николаевское Инженерное училище (1895—1898)
Гренадерский Саперный батальон (1898—1900)
Л.-Гв. Саперный батальон (1900—1914)*

Годы Инженерного училища я отношу к службе в инженерных войсках, т. к. мы — юнкера — считались уже на действительной службе, и дисциплина, положение и быт были не облегченные кадетские, а почти войсковые.

В Инженерном училище были собраны лучшие по баллам воспитанники кадетских корпусов и отборная молодежь «со стороны», выдержавшая трудный конкурсный экзамен. Я застал училище реорганизованным за год перед тем из трех курсов в два обязательных, а третий дополнительный, который должен был давать подготовку в академию. За два года надо было пройти прежний трехлетний и тройной курс: а) общих технических знаний для все тех же вузов, б) курс военного училища, в) специальный комплекс знаний будущего офицера разнообразных видов инженерных войск. Тут уж было не до кипения умственной жизни, а напряженное, едва посильное поглощение громадных курсов. Обязательные два курса я закончил в 1879 г. и в числе 50 лучших из 125 был переведен на дополнительный курс, окончил его в 1898 г. старшим (взводным) портупей-юнкером, был произведен в подпоручики и зачислен кандидатом в л.-гв. Саперный батальон, историей которого давно увлекался. За неимением вакансий пришлось сперва выйти в Москву в Гренадерский Саперный батальон, где я прослужил два года и прошел серьезную служебную школу такого строгого и требовательного командира, как полковник Н. М. Николенко, настоящего маленького Аракчеева. Осенью 1900 г. я был наконец прикомандирован к л.-гв. Саперному батальону и весной 1901 г. переведен в него.

Первые годы службы я большей частью заведовал обучением новобранцев. Делал это с увлечением, читал им по вечерам, ставил солдатские спектакли и видел много знаков их оценки моей работы с ними.

В 1902 г. я был назначен командиром школы солдатских детей, привел ее в порядок, ввел обучение по программам народных училищ и обучение ремеслам. В 1904 г. я просил о командировании на театр военных действий с Японией, но главнокомандующий гвардии отказал. В том же году материальные затруднения побудили меня позаботиться о семье (жена, 2 сына и теща)⁶ и принять должность старшего адъютанта штаба 1-й саперной бригады, т. к. хотя на штабных строевые смотрели свысока и я мог потерять шансы на возвращение в батальон, но штаб давал мне содержание ротного командира, казенную квартиру и дачу.

Работа в штабе оказалась крайне напряженной из-за спешного формирования многих инженерных частей для фронта войны с Японией и была отмечена моим награждением первым орденом. Кроме того, я составил обширное руководство «Табель срочных донесений по инженерной части», которое и было издано штабом 1-й Саперной бригады. В 1907 г. мне было предложено вернуться в строй гв. сапер и принять телеграфную роту, считавшуюся трудной и революционной и от которой даже отказались два командира. Я принял роту и заявил ей, что буду уважать личное достоинство каждого, всеми силами блюсти их интересы, но, учитывая, что культурный уровень роты много выше, чем в саперных ротах (телеграфные чиновники, школьные учителя, лесничие и т. д.), буду требовать от них гораздо больших достижений, чем от саперных рот. И действительно, рота заняла первое место среди 6 рот батальона и неоднократно доказывала мне, что понимает и ценит мое отношение.

Еще с училища я собирал материалы и графику по истории гвардейских сапер, и у меня составилось серьезное собрание на эту тему. Мое поступление в Археологический институт в 1901 г. и начало участия в том же году в состав-

лении истории Военного министерства по отделу истории инженерных войск были также стимулированы желанием лучше подготовиться к работе над историей гв. сапер. Весной 1907 г. я внес проект об организации юбилейно-исторического комитета гв. сапер (и капитала на то из 10% вычетов из содержания офицеров). Проект был принят, я был избран заведующим собиранием материалов для истории и музея гв. сапер, и все свое собрание на эту тему передал в дар батальону, что и составило ядро музея.

Я обращался к потомкам бывших гв. сапер, осматривал дворцы и музеи. Несколько художников под моим руководством снимали точные копии с фамильных, дворцовых и музейных портретов, рисунков форм и батальонных картин, а в архивах велись выписки из материалов. Пора было приступить к составлению первых томов истории гв. сапер. В начале 1910 г. по моей просьбе я был освобожден от командования ротой и всецело сосредоточил свою работу над историей и музеем батальона. К 100-летию юбилею 27 декабря 1912 г. был полностью развернут музей⁷, напечатан I том подробной истории и краткая история и готовы в рукописи еще два тома подробной истории, подготовлен и с полной точностью обмундирован исторический взвод в старинных формах.

Война 1914 г. застала меня за печатанием II тома истории и составлением собрания биографий 16 сапер.

IV. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ (1901—1914)

Еще на кадетской скамье, под влиянием таких преподавателей истории, как Истомин, и особенно Пискорский, и товарища отца, военного историка, ротмистра Крымского дивизиона И. Н. Протопопова (много сделавшего для Севастопольского музея), я жаждал посвятить себя работе на историческом поприще. Однако это удалось мне сделать только в 1900 г. В этом году я попросил в качестве большой годовой задачи офицеров инженерных войск дать мне составление исторической <нрзб> гвардейских сапер. Моя просьба была удовлетворена, выполнение ее одобрено, и эта работа легла впоследствии (к 1912 г.) в основу юбилейного очерка «Сто лет службы гвардейских сапер». Похвальные отзывы об этой работе дошли до редактора VII инженерного отдела «Исторического Столетия Военного министерства» инженер-генерал-майора И. Г. Фабрициуса, и он пригласил меня принять участие в составлении этого очерка, а именно V отдела — Истории инженерных войск 1712—1797—1825 гг. Я с радостью принял это предложение. И. Г. Фабрициус добился соответствующих разрешений, и с 1/XII 1901 г. я был назначен помощником его как редактора очерка и приступил к напряженной архивно-исследовательской работе в Москве по истории инжвойск. Мне удалось кропотливыми исследованиями восстановить их историю и генеалогию 40 рот за совершенно не исследованный период их ротной организации (1797—1816), и с этого началась моя свыше чем 45-летняя работа на военно-историческом поприще. Однако я считал свою подготовку к серьезной исторической работе недостаточной, и с осени 1901 года поступил вольнослушателем в СПб Археологический институт, который окончил в 1903 г. со званием члена-сотрудника института. Институт не только повысил мою подготовку, но и дал мне еще больше от общения со многими сокурсниками, военными историками, в первую очередь с А. И. Григоровичем и В. В. Квадри. Последний, редактировавший II очерк «Столетия Военного Министерства», — историк свиты. По окончании моей работы по инженерному очерку в 1902 г. он пригласил меня в свои помощники по составлению очерка истории свиты. На меня был возложен подбор портретов многих сотен лиц свиты и мною же были составлены главы: о польской свите и польской армии 1814—1825 и 1825—1831 гг. и главы о молодости

и военной службе вел. кн. Николая Павловича до его воцарения, разрушившие старые утверждения о его изоляции⁸ от товарищей по возрасту и военного дела, впервые давшие картину его «потешных» — л.-гв. Дворянской роты (из пажей) 1810—1815 гг. После моего очерка 1901—1902 гг. об инженерных войсках до 1825 г. Главное Инженерное Управление часто обращалось ко мне за справками о прошлом тех или иных инженерных частей. Я предложил, чтобы вместо этого была издана моя работа, доведенная до 1907 г. — «Опыт краткой хроники родословной русских инженерных войск». Это было исполнено в 1907 г. В том же году, во время моей болезни, я был заочно избран в действительные члены-учредители Русского Военно-Исторического Общества. О создании такого общества давно мечтала наша дружная группа молодых военных историков, А. И. Григорович, М. Д. Поливанов, В. А. Адамович, я и некоторые еще. Но впервые в печати, опередив нас этим проектом, выступил М. К. Соколовский. Я принял деятельное участие в работе полковых и корабельных историй и выступал с рядом докладов. В 1909 г. редактором намеченного к изданию журнала Общества, профессором П. Н. Симанским, я был приглашен в помощники редактора этого журнала с тем, что на меня всецело возлагалось обращение рукописного материала в номера журнала.

С отъездом П. Н. Симанского из СПб в 1910 г. я остался его заместителем. Он же сохранил за собой только главное руководство и выбор статей.

В 1912 г. издание толстого научного журнала оказалось непосильным для средств общества, и под тем же названием стал издаваться тоненький журнальчик. Председателем редакционной комиссии, за отказом П. Н. Симанского, был избран проф. А. К. Байов, который уговорил меня остаться в составе редакционной комиссии.

В журнале Русского Военно-Исторического Общества с 1910<-го> по 1914 г. был напечатан ряд (более 50) моих исследований и статей <нрзб> рецензий (свыше 30) по истории пехоты, инженерных войск и знамен, некоторые из моих докладов в Обществе и отчеты о военном элементе выставок картин (16). За те же годы (1911—1914) много моих статей (17) было напечатано и в «Русском Инвалиде», и в «Военной энциклопедии» и отдельной книгой вышел большой труд «Роспись русским полкам 1812 г.»⁹). Еще в 1910 г. я был оппирован в члены Совета Общества и переизбран на 3-летие в 1911—1914 гг.

Советом Общества на меня возлагались почти все задания по хроникам и родословиям отдельных частей, в особенности в связи с предстоящим юбилеем Отечественной войны 1812 г. Из докладов в разряде полковых историй некоторые имели практические последствия. Так, после докладов 6/III-1910 г. об образцах русских знамен XIX в. были восстановлены утратившиеся Георгиевские отличия 1806 г. на Георгиевских знаменах (ленты, надписи). В связи с докладом 3/III-1912 г. о герое командире гвардейских сапер К. А. Шильдере, убитом в 1853 г. под Силистрией, его прах был перевезен из Калараша в СПб в церковь гвардейских сапер. 4/IV-1912 г. был сделан доклад о преемственной связи полков 1912 г. с полками 1812 г., легший в основу списка полков, привлеченных к юбилейным торжествам и личный состав которых был награжден медалями. 20/X-1913 г. был сделан большой доклад о неправильности в хрониках и старшинстве 16 гренадерских и 164 старейших пехотных полков. Несмотря на возражения представителя Главного Управления Генштаба о нежелательности изменений привычного старшинства, о чем будто бы высказался государь, и разряд и Совет Общества поддержали мой доклад, постановили напечатать его и в журнале Общества, и отдельными брошюрами и разослать всем членам Общества и во все полки, чтобы приступить к научному выправлению хроник. Начинание это было не закончено из-за войны, но вызвало <?> несколько статей в журнале Общества.

Доклад 31/X-1909 г. о способах ознаменования столетней годовщины Отечественной войны был одобрен особым комитетом по устройству в Москве музея 1812 г., и в 1910 г. я был заочно избран членом комитета и до 1914 г. выполнял его задания в СПб по сбору материала для этого музея. Упомянутый выше доклад 1910 г. о знаменах привел к приглашению меня в члены реорганизованной в 1913 г. Комиссии по описанию трофеев и старинных русских знамен, где под моим руководством составлено систематическое собрание в несколько тысяч акварельных копий с утвержденных и иных старинных рисунков знамен Интендантского музея и других хранилищ. Доклад 26/III-1913 о службе крымских татар под русскими знаменами привел к избранию меня в том же году действительным членом Таврической ученой архивной комиссии. В том же году я был избран действительным членом и Тамбовской комиссии. Вообще в период 1907—1914 гг. я положительно кипел в исторической и музейной работе, что было прервано войной 1914 г.

V. НА ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1917)

Начало войны застало меня за кипучей усиленной работой и по печатанию II тома Истории л.-гв. Саперного батальона, по Совету и журналу Русского Военно-Исторического Общества и по зарисовкам знамен Трофейной комиссии. Еще в 1910 г. я заболел весьма тяжелой формой ревматизма, требовавшей деятельного и упорного лечения и ежегодных курсов лечения в Сакской грязелечебнице. Такая поездка предстояла мне и в 1914 г. Учитывая это, мне предлагали остаться в СПб в Трофейной комиссии, а также принять библиотеку Главного Штаба. Однако, нося 16 лет офицерские погоны, я не счел возможным остаться в тылу и вернулся в строй гв. сапер, чтобы в рядах их принять участие в военных действиях, пока хватит сил.

Роту я сдал еще в 1910 г. и был старше почти всех ротных командиров. Не считая возможным отбирать роту у кого-либо из наличных ротных командиров, я просился идти младшим офицером. Командир батальона свиты генерал-майор Подымов не согласился, съездил к корпусному командиру генералу Безобразову и сообщил мне, что сам он будет при штабе корпуса как корпусный инженер, а я — в помощь ему и для ведения исторического дневника и собирания исторических материалов гвардейского корпуса. Таким образом, начало кампании я провел при штабе гвардейского корпуса, причем в боях 1914 г. я принимал еще все донесения и приказания на имя командира корпуса, а в декабре 1914 г. мне было поручено навести порядок и искоренить злоупотребления по наградной части и заведовать таковою. Только в июне 1915 г. я смог вернуться в строй на освободившуюся должность помощника командира л.-гвардейского Саперного батальона и помощника корпусного инженера гвардейского корпуса. 6 декабря 1915 г. я был произведен в полковники, при развертывании гвардейского корпуса в 3 (1-й и 2-й гв. пехотные и гв. кавалерийский) и л.-гв. Саперного батальона в полк, я был назначен командиром 1-го батальона л.-гв. Саперного полка, с ним поступил в состав 1-го гвардейского корпуса и был назначен корпусным инженером такового. Однако до февраля 1916 г. я был задержан при штабе гвардейского отряда (армии) для временного заведывания инженерной частью этапно-хозяйственного отдела этого штаба. Организовав инженерные склады и наладив инженерное снабжение гвардии, я был отпущен к батальону и корпусу в феврале 1916 г.

В январе 1917 г. при реорганизации инженерных полков, наш 1-й батальон был реорганизован в саперный батальон и вернулся в состав полка, а я был назначен помощником командира полка.

Весть о начале революции застала меня во время прощального объезда рот батальона. О революции на фронте ниже. Здесь же коснусь участия своего в боевых действиях гвардейского корпуса 1914—1917 гг. При штабе гвардейского корпуса я пробыл в 1914 г., когда в боях штаб еще выезжал на открытые командные пункты. С ним я участвовал в боях при оттеснении врага от Люблина до Сана и преследовании в Галиции до Колбушова (август—сентябрь 1914 г.). При отходе к Сандомиру за Вислу (сентябрь—октябрь), при обороне крепости Ивангород (октябрь) и преследовании противника под Краков (ноябрь), при отходе к Кельцам (декабрь 1914-го) и обороне Ломжи (январь—июнь 1915-го). За этот период кампании внимания заслуживает первый бой под Люблином с 19/VIII-1914 г. Штаб корпуса на автомобилях выехал вперед и расположился в роще на горке. Полки гвардейского корпуса, поспешно выгружаемые из эшелонов, спешно вливались в боевые линии, затыкая прорехи в оттесненных боевых порядках разбитого армейского корпуса (№ не помню) и уже сильно пострадавшего гренадерского. Прибытие гвардии дало возможность остановить наступление противника. На третий день боя 21/VIII неприятельская артиллерия нашупала наш штаб и подвергла его сильному обстрелу. Штаб быстро отошел на другое место, более укрытое, но связь туда проведена еще не была. Я отказался двинуться со штабом и остался на старом месте до переноса связи и для принятия приказаний и донесений. И действительно, через минут двадцать поступила срочная телефонограмма командующего армией с приказом немедленно всеми силами перейти в наступление. Я помчался в автомобиле на новую стоянку штаба на оставленном автомобиле, и корпус своевременно исполнил боевое задание.

С лета 1915 г. уже в строю л.-гв. саперного батальона как помощник командира батальона и корпусного инженера я поочередно с другим помощником, полковником Н. Н. Кирпичевым, укреплял через позицию все отступные позиции во время отходов от Холма в июле к крепости Брест-Литовску под Вильной и от Вильны до Сморгони в августе, причем и под Холмом в июле и под Вильной приходилось прорываться из окружения. Наиболее напряженной были работа и бой у Красностава в начале июля, когда с 5 саперными ротами я спешно построил с 4 по 14.VII 11 мостов на Вепрже для возможности удара во фланг противнику в случае прорыва на соседнем слабом участке. При начале самого боя, 14. VII, поспешив к ближайшей к противнику 2-й Саперной роте и узнав, что предместное укрепление у д. Стенжице еще не закончено, за прибытием рабочих от пехоты, я вывел 2-ю Саперную роту и под огнем закончил постройку и маскировку укрепления. Занявшая его 13-я рота Измайловского полка понесла лишь самые незначительные потери. Ввиду неясности, понадобятся ли эти два моста или нет, я не счел возможным сразу взорвать их и вызвал охотников, желающих остаться со мной у мостов. Вся 2-я рота как один, 16 человек, шагнула вперед. Роту я отпустил, а оставил 11 подрывников с офицером, и мы 3 дня пробыли под интенсивным огнем, то снимая настил, то восстанавливая его¹⁰ по ходу боя, и ушли только по приказанию, взорвав мосты. За это все подрывники были награждены Георгиевскими крестами.

К тому же периоду относится один малоизвестный эпизод иного порядка: от Бреста мы были переброшены к Вильне по железной дороге. Комбат был при штабе корпуса. Вести эшелон с нашим батальоном пришлось мне. Выгрузились в Вильне в ночь на 18/VIII-15 г. Я повел батальон в Виленские саперные казармы (не помню, 2 или 3 батальона). Голова колонны уже втягивалась в ворота казарм, когда мне доложили, что позади нас начинается еврейский погром. Я остановил батальон, повернул его, объяснил саперам, в чем дело, и бегом повел их. Наши саперы спешили изо всех сил, и мы прибыли вовремя. Погром был предотвращен. Пьяная толпа казаков, начавшая громить ларьки

и лавчонки еврейской бедноты, разбежалась при нашем появлении. Саперам удалось схватить лишь десятка два погромщиков, которые и понесли заслуженную кару. Так гвардейские саперы предотвратили такое отвратительное явление, как еврейский погром.

В 1916 г. я участвовал в боевых действиях 1-го гвардейского корпуса, как корпусный командир приданного корпусу 1-го батальона л.-гв. саперного полка. Из других бывших в моем распоряжении частей, в том числе батальон пленных австрийцев, <нрзб> славян, более длительно работали одна из ярославских дружин государственного ополчения и гидротехнический отряд из Курска (№№ их, увы, не помню). Весной 1916 г., когда корпус стоял на отдыхе в районе Двинска, 2-ая Саперная рота по заданию командующего армией генерала Куропаткина готовила материал для мостов у Ницгала под огнем немцев. В моем присутствии поручик Кренке с тремя охотниками саперами ночью на лодке доплыли до неприятельского берега и произвели нужные промеры глубин. Лодка была обстреляна и потоплена на обратном пути, уже около нашего берега. Все три охотника-сапера были награждены Георгиевскими крестами, а поручик Кренке представлен к награде.

В составе корпуса в 1916 г. первые бои были на Стоходе при Брусиловском наступлении. Прибыв с последним эшелонем со 2-й Саперной ротой из Виленской губернии и добравшись до штаба корпуса, я узнал, что прорыв поручен 1-й гвардейской пехотной дивизии и наша 1-я саперная рота уже строит плацдарм для л.-гв. Егерского полка. Я поспешил туда. Предстояло много других работ. Я остался в 1-й дивизии и вызвал остальные 2 саперные роты (2-я и 3-я) — и прожекторную роту. Это было очень кстати, т. к. вскоре приказано было строить еще плацдармы Преображенского и Финляндского полков. Туда я поставил 2-ю и 3-ю роты. Позиция была самая неподходящая для прорыва. Она вдавалась узким длинным пальцем в расположение противника, наблюдалась им с целого ряда воздушных шаров и простреливалась насквозь. Об артиллерийской подготовке нашей не могло быть и речи. Не успевали наши батареи заговорить, как над ними скрещивались немецкие аэропланы и батареи приводились к молчанию превосходящей намного артиллерией немецкой. Я немедленно донес командиру корпуса и начальнику инженеров армии о невыгодности выбранной точки удара, но с этим не считались. За 6 дней плацдармы были выдвинуты вперед, на 300—400 шагов противника и обеспечены тяжелыми блиндажами на весь состав трех атакующих полков.

15 июля все 3 полка были брошены в атаку. Егеря на правом и Финляндцы на левом фланге одним рывком захватили передний край неприятельской обороны. Преображенцы в центре против Рай-Места одолели с помощью заготовленных саперами переносных плетней болотистый Стоход, но с большими потерями (более 500 убитых) от перекрестного огня, и залегли в мертвом пространстве у неразбитой артиллерией проволоки¹¹ перед опорным пунктом прорыва у Рай-Места. Командир 1-й Саперной роты (приданной мной к полку) с заготовленными заранее удлиненными подрывными снарядами — капитан Макеев с 6-ю подрывниками — поспешил вперед и взорвал проходы. Преображенцы ринулись в них и мигом завладели укреплением. По представлению Преображенского полка капитан Макеев был награжден орденом Св. Георгия, а все подрывники Георгиевскими крестами¹². Финляндцы уже на том берегу Стохода попали под сильный перекрестный артиллерийский огонь, потеряли почти всех офицеров и начали отходить. Командир приданной им прожекторной полуроты поручик Кренке остановил и вернул их на занятые позиции. Он также был представлен к ордену Св. Георгия (но недостаточно энергично это доказали) и не получил награды.

Вечером 15/VI я повел 2-ю Саперную роту для постройки мостов на Стоходе для тяжелой артиллерии. Немцы осветили нас ракетами и прожекторами и взяли под перекрестный артиллерийский огонь. В первую ночь из-за возраставших потерь пришлось ограничиться одним мостом, а второй построить в следующую ночь. Плацдармы и тяжелые блиндажи, построенные гвардейскими саперами, во много раз уменьшили потери атакующих полков. Редкий случай совокупных действий целого саперного батальона был оценен командованием и 1-й дивизии, и 1-го гвардейского корпуса, и батальон был представлен к Георгиевским трубам¹³.

Затем батальон нес напряженную работу в позиционной войне на Владимиро-Волынском направлении у Велицка и Кухар (июль—август), и особенно в районе Шеньвов—Бубново—Корытница (август—февраль 1917), где наши линии подошли вплотную к немецким и велись даже <нрзб> работы. Дальнейшие боевые действия происходили уже в период революции, и о них в главе о революции на фронте.

VI. В ПЕРВЫЙ ГОД РЕВОЛЮЦИИ НА ФРОНТЕ (март 1917 — март 1918)

Известия о февральских событиях 1917 г. в Петрограде застали меня во время прощального объезда рот, сдаваемого мной 1-го батальона л.-гвардейского саперного полка.

Еще в августе 1915 г., когда в окружении под Вильной читал батальону приказ о смещении Верховного Главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и принятии верховного командования Государем, я с полной отчетливостью понял: восторжествовала распутиновщина, война проиграна, династия скомпрометирована и обречена.

При получении известия о Февральской революции я поставил перед собой вопрос о дальнейшем своем пути. Я пришел к твердому выводу: как ранее служил Родине, буду служить ей и впредь. Моя же главная непосредственная задача — сохранить боеспособность нашего полка, обслуживавшего в инженерном отношении громадный фронт 3-х гвардейских корпусов. Тогдашний командующий полком, полковник Н. Г. Рыдзевский, человек храбрый и передовой¹⁴, все же не уяснил себе все значение и глубину совершающегося и допустил ряд ошибок. Так, он затягивал создание полкового комитета, а думал ограничить его роль хоз. заботами. Затягивал он и выборы в него представителей от офицеров. Прибыла депутация запасной роты из Петрограда. На митинге я выступил с призывом к единению и сохранению боеспособности полка. Офицеры настояли перед Рыдзевским на выборах; из них в комитет в числе 3-х был выбран и я, а солдатами был выбран председателем комитета и делегации в Петроград (к новому правительству, к Совету рабочих и солдатских депутатов и нашей запасной роте). Вернувшись, пришлось немало потрудиться над ликвидацией ошибок Н. Г. Рыдзевского, которому полк объявил недоверие. Я целиком отдался работе в комитете. В этот период любой неверный шаг мог повести к распаду полка. Солдаты оценили мою работу, что видно из прилагаемых приветствий полка. В июне мы были переброшены под Тарнополь. Я был переизбран в комитет и председателем его. На бурных собраниях и офицеров, и полкового, и ротных комитетов я с трудом добился ликвидации двух крайних устремлений: ухода в ударники наступления и отхода в тыл. Было постановлено не дробить полк и исполнять все оперативные директивы командования и как саперы, а если надо, то и как пехота. И действительно, 1-я рота приняла участие в наступлении чехословаков и получила название «Роты 18 июня».

7 июля я был вызван в штаб корпуса, чтоб принять временное командование полком от полковника Рыдзевского, назначенного начальником инженеров армии. Принять разбросанные роты полка мне пришлось во время катастрофического Тарнопольского отхода 8/ VII-1917 г. Перед этим 6 из 8 пехотных полков 1-го гвардейского корпуса отказались от наступления и ушли в тыл. Мы, саперы, остались в составе 5-го корпуса и вместе с ним отошли за Тарнополь. 9 июля мы были включены в оставшуюся на фронте Петровскую бригаду (Преображенцы и Семеновцы и 1-я артиллерийская бригада). Мне удалось перевооружить полк, заменив в бросаемых складах трехлинейными винтовками давно выданные саперам в 1915 г. тяжелые допотопные Гра-Крапачеки (бывшие у французов еще до их Шаспо 1870 г.). 11-го числа 6 полков корпуса вернулись в строй, а мы в корпус. Затем полк укреплял позиции у Збарафа (июль) и в районе Скалат-Гржималув (август—декабрь 1917). 1 декабря были проведены в корпусе и в полку отмена чинов, орденов, погон и введено выборное начало. Голосованием полка я был переизбран командиром полка 18/ VII-1917¹⁵. Полк оставался на фронте в полном порядке. Корпусной комитет поэтому доверил ротам полка охрану станций ж. д. от Подволочиска до Проскурова. Согласно предписаниям командования и корпусного комитета было проведено увольнение в запас по срокам службы. К 1 апреля закончилась работа ликвидационной комиссии и 105-летнее существование гвардии Саперного полка, истории и работе которого я отдал 17 лет жизни. Оставшимся нескольким десяткам гв. сапер не было разрешено ехать с Украины в Петроград организованно. Мы выехали одиночным порядком в Киев, где консульство РСФСР озаботилось нашей отправкой из Украины в Россию. Переход через границу Украины должен был совершаться пешком, почему я почти все вещи вынужден был бросить в Киеве.

Подводя итоги тому, каковы для меня оказались результаты моего решения в июле 1914 г. идти на фронт, приходится отметить, что наряду с явлениями, в которых судьба была для меня явно благоприятной, были и совершенно обратные. К числу первых приходится отнести, что я остался жив и даже серьезно не болен (на что я вовсе не надеялся, выступая больным), не был ни разу ранен, хотя еженедельно обходил все головные линии и много бывал под огнем, особенно под Люблином в 1914 г., Красноставом в 1915 г. и на Стоходе в 1916 г. Даже сильно контужен не был, а только 3 раза легко, когда был засыпан землей от бруствера, куда прицельно попали 2 раза снаряды и раз ручная граната. Главное же, что мне довелось быть командиром родного мне полка гвардейских сапер, правда уже тогда, когда это было уже не блестящее достижение, а тяжелый крест.

Лестно было и получение всех 7-ми боевых нестатусных орденов, какие только мог получить по чину. Зато, сознаюсь, горько было неполучение статусных Георгиевских наград, хотя мое участие в боях под Люблином, Красноставом и на Стоходе, по мнению моих товарищей, давало мне на них право, но я не считал достойным самому поднимать вопрос о том, а мой непосредственный начальник Свиты ген.-л. Б. А. Подымов, получивши сам Георгия при царском приезде в Гарволин в декабре 1914 г. за отличия не <нрзб> батальона, не представил за всю войну ни одного офицера гвардейских сапер к Георгиевским наградам, даже такого храброго из храбрых, как поручик Кренке¹⁶ (командир 1-й роты капитан Макеев получил Георгия по представлению Преображенского полка в 1916 г. за Стоход, а командир 4-й роты капитан Папкевич — Георгиевское оружие по представлению Гвардейской Стрелковой бригады в 1914 г. за Опатов). Точно так же не везло мне и с чинами. Выступив на войну старым гв. капитаном, я был произведен в полковники только 6/ XII-1915 г., и меня нагнали и стали перегонять выступившие молодыми поручиками, получавшие быстрое производство по новым правилам. Чтоб сравнить меня с ними, мне дали старшинство с 1/ XII, т. е. 5 дней. 1/ XII-1917 г., когда я получил право на

производство в генералы, как командир гвардейской части, пробывший на фронте 2 года, я снял погоны, т. к. в этот день по 1-му гвардейскому корпусу проводилось упразднение чинов и орденов и введение выборного начала. Может быть, это и мелочи, но и они показательны в вопросе везения и невезения.

Самое же горькое было то, что мне, фанатику и составителю истории гвардейских сапер, имевшему печальную честь быть их последним командиром и отдавшему 13 месяцев невероятных усилий (март 1917—март 1918) за сохранение полка, пришлось подписать последний приказ 1/ IV-1918 г. о его расформировании и вернуться в Петроград не как мои предшественники — триумфаторами во главе гвардейских сапер после побед 1828, 1831 и 1877 гг., — а одному в телячьем вагоне.

VII. ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ЛЕНИНГРАДЕ (1918—1926)

Еще с 1910 г. я тяжело болел, на войну пошел добровольно, но через силу; особенно труден был последний революционный год председательства в полковом комитете и командования полком в фронтовых революционных условиях, когда каждая моя ошибка могла быть роковой для полка. Это требовало колоссального нервного напряжения, и я чувствовал, что больше не в силах нести подобную нравственную ответственность и вообще продолжать строевую службу. По возвращении с фронта в Ленинград я был освидетельствован 4/ VII-1918 г. постоянной врачебной комиссией учет. отд. Петросовета (удостоверение № 833) и признан потерявшим по условиям прохождения военной службы и походной обстановки 80% трудоспособности и подлежащим увольнению вовсе от военной службы. Еще до войны 1914 г. я хотел совсем оставить строй и перейти всецело и окончательно на свою любимую историческую работу, но сделать это смог лишь в 1918 г.

Вскоре по возвращении с фронта бывший мой сочлен по Совету Русского Военно-Исторического Общества и редакционной комиссии журнала общества, начальник Артмузея, известный археолог Н. М. Печонкин (ныне умерший) предложил мне поступить на службу в Главархив и горячо рекомендовал меня Д. Б. Рязанову и С. Ф. Платонову. Я был приглашен 14 мая 1918 г. для выявления сохранившихся в Ленинграде архивных фондов центральных учреждений старой армии, и штабов и частей гвардии, и бывшего СПб военного округа и организации из них военного отделения Главархива. Я горячо принялся за эту работу и был утвержден 10/ VI временно заведующим 1-го отд. 3-й секции Главархива, а 7/ XII — заведующим. Удалось собрать блестящий состав сотрудников, и работа закипела.

15 мая моя работа была отмечена избранием в почетные члены Археологического института. Работа по Главархиву была прервана 8 / VIII-1919 призывом в Красную Армию, где я был назначен помнач (помотрука) 21 Военно-полевого строительства, работавшего на обороне Ленинграда. Во время наступления Юденича я замещал заболевшего начальника строительства тов. Иванова (бывшего инженер-ген.-майора) и 14 дней не бывал дома, проводя время на позициях и за составлением руководящих указаний и сводок. На окопах моего строительства у Стрельны и Пулкова было остановлено наступление Юденича. Я был повышен в начальники строительства 13/ XI-1919. Комиссары строительства гг. Ольбрей, Мольденгауер, Сыманков и др. ценили мою работу и поддерживали мои начинания по улучшению работы и быта рабочих и служащих строительства (свой отдел снабжения, столовые, бани, прачечная, починочные портновская и обувная мастерские). В начале 1921 г. новый комиссар т. Виноградов начал систематически уничтожать эти начинания. Я обращался в высшую инстанцию к начальнику инженеров округа Н. И. Флоринскому и его

комиссару, и они согласились с моим мнением. В начале марта 1921 г. во время Кронштадтского восстания при массовых арестах высшего комсостава округа я тоже был арестован, о чем подробнее в главе об испытаниях. После первого допроса я был освобожден, но заболел, пролежал месяц в больнице и просил об освобождении от заведования строительством. Моя просьба была уважена, и 5/IV-21 г. я был прикомандирован к Управлению начальника инженеров Петроградского военного округа и вскоре назначен старшим инженером фортотдела, а 2/VI — начальником строительного-отчетного отделения. 6/ VII-1921 я был демобилизован по возрасту и болезни и перешел на работу в Музейный отдел помощником зав. военными музеями, маститого военного историка и музейста П. П. Потоцкого, а в 1925 г., по его уходе, — назначен заведующим военными музеями ленинградского отдела Главнауки и председателем Совещания всех военных музеев Ленинграда.

14/ VII-1926 г. моя работа по музейной линии была прервана высылкой в область Коми, о чем подробнее — ниже, в главе об испытаниях.

С 1921<-го> по 1926 г. мне пришлось усиленно заняться сбором уцелевших военных музеев и фондов и их охранением и устройением. Удалось добиться реэвакуации Артмузея из Ярославля и Суворовского из Владивостока, организовать передачу в военно-музейные фонды знамен из соборов, всего наличия знаменного отделения (бывшей Трофейной комиссии), закрываемых музеев Военно-учебного и об-ва ревнителей истории, многих полковых из бывшего музея Михаила Николаевича и отобрать из хранилищ конфискованных дворцовых и частных собраний тысячи военно-музейных единиц. Был мной разработан и проект организации единого военного музея в Инженерном замке и Кронверкском арсенале и сделан ряд докладов на музейных конференциях, оказано широкое содействие ленинградскому Музею Революции по устройству отдела декабристов. Одновременно, в 1918—1926 гг. я продолжал свою научно-исследовательскую работу по тем отделам, которые считал наиболее связанными с архивной и музейной работой. Главное внимание я обратил на хроники и родословные войсковых частей старой армии, архивное и музейное наследие которых подлежало научной классификации и устройению. Мной были составлены хроники и родословные всех частей всех видов пехоты с 1699 г. по 1914 г., и <я> углубился в изучение предшествующего периода — историю стрельцов с 1550 г., войск иноземного строя с 1630-го и выборных солдатских полков с 1656-го. Обнаружив в литературе этого вопроса множество неверностей, я решил опираться исключительно на документы эпохи и разработать их историю совершенно заново. Закончить эту громадную работу в полной мере я не успел, но собрал многие сотни систематизированных выписок и составил сводки выводов. Сохранившуюся часть я в 1942 г. передал в Государственную Историческую Библиотеку, большая же часть погибла в Ленинграде во время блокады.

Кроме того, я пристально занимался изучением военной стороны восстания декабристов. Часть моих изысканий напечатана при книге проф. А. Е. Преснякова «14 Декабря 1825 г.», другая приобретена для Пушкинского Дома — Академией наук.

Кроме того, мной было составлено в 1921 г. большое исследование «К познанию строения государственной военной силы» (опыт морфологии государственных военных органов в их историческом развитии). Этот трактат был прочитан и очень одобрен покойным проф. Н. М. Михневичем, но он указал на желательность использования в нем основных трудов социолога Стронина, которого всегда горячо рекомендовал ему М. И. Драгомиров. Я пришел в восторг от весомых выводов Стронина, включил особую главу о его военных взглядах, но в остальных ничего не пришлось менять, т. к. мои взгляды оказались вполне совпадающими с взглядами Стронина. Рукопись

была принята Высшим военно-редакционным Советом, но не была напечатана якобы по неимению соответствующих кредитов, но на деле, как мне стало известно, из-за того, что я отстаивал наличие военной науки, что позже и признано, но тогдашний (1922 г.) Наркомвоен признавал лишь военное искусство.

Кроме того, мной был разработан обширный доклад «Опыт формулировки основных принципов организации научных хранилищ и сравнительные функциональные схемы организации музея, архива и библиотеки». Доклады в музейном отделе, в обществах архивных деятелей и военно-научном. Напечатан не был из-за необходимости красочных таблиц.

Кроме напряженной работы по музейной и научно-исследовательской линии в период 1918—1926 гг. я принимал еще активное участие в работе нескольких научных обществ (Архивных Деятелей, Русского Генеалогического, Военно-Научного, Членов Археологического института, в последнем был избран товарищем председателя, и в Комиссии по изучению декабристов), делая доклады на соответствующие темы. Кроме того, с осени 1922 г. я горячо увлекся изучением эзотерической философии под руководством М. А. Нестеровой в кружке Г. О. Мебеса, который считал вполне допущенным, хоть и неофициально, в следующие две зимы читал для небольшого круга слушателей вступительные лекции по курсу энциклопедии оккультизма, составив конспекты и много рисунков, все это, к сожалению, не сохранилось. Из кружка Мебеса—Нестеровой я вышел весной 1925 г., а о печальных последствиях для меня пребывания в нем — в следующей главе.

По просьбе следователя Денисова в начале 1926 г. я составил для него историко-философские справки: «Что такое спиритизм?», «Что такое теософия?», «Что такое масонство?», «Что такое оккультизм?», «Состав человеческой сущности по учению спиритов, теософов и оккультистов». Денисов очень одобрил мои работы и уверял, что будет добиваться их напечатания. Жалею, что черновики не сохранились.

VIII. «МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ», КОЛЛЕКЦИИ, РЕМЕСШКОВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ, СРАЖАТЕЛЬСТВА, ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ, ДОСТИЖЕНИЯ И КРУШЕНИЯ

Прежде чем перейти к описанию моих тяжелых испытаний, сломавших мою жизнь в 1926 г. и оторвавших от любимой музейной и от основных видов научно-исследовательской работы, от общения с родной мне по духу средой — горячо преданных делу научных работников, — коснусь тех сторон моей жизни, которые не укладываются в ранних периодах, отраженных в предшествующих главах, но красными нитями проходят почти через всю мою жизнь, изредка через несколько ее периодов.

И «Мои университеты»

И мне, рядовому труженику, как и большому таланту, М. Горькому, не удалось осуществить мечты об университете, и это, конечно, значительно ограничило охват моих исторических работ. Однако в этих работах я старался строить все сам, без перепевов с чужих слов. Археологический институт не смог мне полностью заменить университет, и мне с большим трудом приходилось самому вырабатывать научный подход к моим изысканиям. Считаю нелишним кратко передать, под какими воздействиями сложилось мое увлечение военно-историческими темами. Я родился незадолго до начала Русско-Турецкой войны (6/18. 1874), и моим любимым занятием, как начал себя сознавать, было

рассматривание рисунков к «Военным рассказам» участников войны (1877—1878 гг.) изд. Мещерского и «Иллюстрированной хроники» той же войны (изд. Гоппе), а также рисунков Тимма из Крымской кампании в «Русском Художественном Листке». Еще не умея читать, я знал наизусть названия значительно числа этих рисунков. Это предопределило мои склонности. В школьные годы товарищ отца, с увлечением работавший по истории обороны Севастополя, И. Н. Протопопов, еще более укрепил меня в этих вкусах. Такие прекрасные преподаватели, как естественник Курбанов, физик Косоногов, словесник Науменко и в особенности историк Пискорский, заставляли с увлечением заниматься их предметами, далеко за пределами учебников. С 4-го класса я понял, что своим первенством я обязан не каким-либо выдающимся способностям (по многим предметам меня обгоняли другие), а преждевременному скороспелому развитию. Я пережил это очень тяжело, не желая быть пустоцветом, и решил усиленно заниматься гуманитарными науками, в особенности историей, хотя бы не ради блестящих достижений, а для удовлетворения своей душевной потребности. Работая в старших классах в кружках, о которых упоминал выше, я убедился, что и литературных достижений у меня меньше, чем у других товарищей (например, Моргенштерна, Чернявского, Саноцкого, Нолькена и др.). Я стал больше увлекаться вопросами религиозно-философскими и на почве сомнений вел после уроков беседы с новым законоучителем, священником, академиком Клитиным, читал полученные от него апологетики Мотарда и Рождественского, и труды епископа Хрисанфа, но более увлекался под руководством моего товарища Саноцкого изучением литературы по гипнозу, спиритизму, буддизму и теософии. Особенно любил я книгу Гилярова «Гипнотизм», труды Алана Кардена по спиритизму <нрзб> и Блаватской — по буддизму и теософии. С увлечением читал труды Ломброзо, Мантегацца и Фламариона, из писателей предпочитал А. К. Толстого, Минского, Лескова, Погосского, Соловьева (Всеволод.) и Драгомирова (позднее еще Уайльда, Мережковского, Амфитеатрова и Нагродскую), предпочитая их гигантам литературы, из творений которых созвучно мне было далеко не все. Отдал я дань, конечно, и Миллю, Спенсеру, Бокию, Дрейеру, Добролюбову и Писареву. В училище уже читать было некогда, и период 1895—1901 гг. до начала моей исторической работы, в которой я нашел себя, я чувствовал себя душевно одиноким и опустошенным. По поводу интересовавших меня религиозно-философских вопросов я был в каком-то ожидании. Я уже сказал выше, что Археологический институт (1901—1909) дал мне немало в смысле расширения кругозора и критического подхода к литературе вопроса и источникам. Однако гораздо больше мне дало общение с ревностными передовыми работниками на военно-историческом поприще, однокурсниками по институту, особенно с А. И. Григоровичем, В. В. Квадри и сочленами по редакции исторического очерка «Столетие Военного министерства», особенно с Борисевичем, а равно с другими военными историками, М. Д. Поливановым, Б. А. Адамовичем и другими. Были и маленькие «университеты» — посещение с 1904 г. знаменитого коллекционера П. Я. Дашкова, у которого собирались самые разнообразные представители работников исторической нивы. Слушать П. Я. Дашкова и его гостей было плодотворнее многих систематических курсов. Подобным же «университетом» были позднее курсы у профессора Н. П. Михневича после заседаний Совета Военно-Исторического Общества с 1911 г. на его квартире, где я заслушивался рассказами маститых военных историков — П. Н. Потоцкого, Д. А. Скалона, Н. Коллюбакина¹⁷, самого Н. П. Михневича и других. Не менее давали мне доклады и прения в Русском Военно-Историческом Обществе во всех разрядах. Много мне дало общение с такими знатоками военной графики и истории, как Ф. Г. Козлянинов и как первый специалист по мундироведению В. Х. Казин, как библиофил редактор нашего журнала П. Н. Симанский и др.

К 1914 году и личная работа, и общение с такими специалистами дали мне возможность считать себя специализировавшимся по некоторым дисциплинам военно-исторических знаний. Среди знавших меня военных историков и равно в Совете — в разрядах русского военно-исторического общества — я завоевал некоторый авторитет, и мне не раз высказывалось, что мои познания по военно-музейным вопросам ставят меня в ряд с П. Н. Потоцким, Р. Ф. Козляниновым, Л. И. Григоровичем, В. Л. Жерве и Б. А. Адамовичем; по мундироведению — с В. Х. Казиным и знаменоведению — с П. И. Белявским. По хроникам и родословию войсковых частей меня считали преемником Висковатого и Штейнгеля. Быть может, и не скромно об этом упоминать, но не хочу скрывать, что это очень меня поощряло к работе. После возвращения с войны во время работы в Главархиве (1918—1919) я, не записываясь официально, прослушал весь комплекс лекций курсов по архивоведению и много вынес из заседаний научных комиссий Ленинградского отд. Главархива с его тогдашним блестящим научным составом. Поучительны были и доклады в нескольких научных обществах 1918—1920-х гг., особенно в обществе членов Археологического Института.

Вот основные итоги «моих университетов».

Мои коллекции

Коллекционерская жилка сказалась во мне с детства. Начал я собирание с пуговиц, перешел на лубочные картинки, а затем на детские книги, но непременно с красочными рисунками (изд. Девриена, <нрзб>, Вольфа и др.) Свою коллекцию, уже не детскую, я начал собирать с 1-го курса Инженерного училища, с 1895 г. Ядром ее сперва явились собрания снимков с работ Микешина и графики на военно-исторические темы, главным образом по истории гвардейских сапер, наполеоновских войн и Севастопольской обороны (портреты, военные формы, батальонные сюжеты). Одновременно я начал собирать и библиотеку на военно-исторические темы первой половины XIX века. Не имея достаточных средств, я возмещал их урезанием своих расходов по другим потребностям, интенсивностью поисков и приобретением даже дефектных экземпляров, которые сам реставрировал и подбирал к ним монтировку соответствующей эпохи. Моя коллекция, особенно с переезда в СПб в 1901 г., стала разрастаться в маленький частный музей. Однако я не сидел на своих коллекциях, как Кашей, а многие музейные единицы и подборки передавал по принадлежности в дар соответствующим музеям. Так, в 1907 г. я свое очень небольшое собрание по истории гвардейских сапер передал для образования их музея. Еще в 1901 г. через И. П. Протопопова передал лучшее по Севастопольской обороне в Музей обороны и в 1910 г. через В. А. Афанасьева — несколько редких вещей для музея 1812 г.; в разное время я передавал все находимое мною по истории соответствующих полков в Ростовский гренадерский полк через его шефа, в Крымский Конный — через его командира, в л.-гвардейский Кексгольмский — через Б. А. Адамовича и в драгунский Военного Ордена — через А. И. Григоровича. Последние два полка почтили меня подношением золотых жетонов с полковыми гербами XVIII в., а по музею 1812 г. мне была дана юбилейная медаль 1812 г.

С удовольствием пополнял я и частные собрания Ф. Г. Козлянинова по истории конной гвардии и кирасир и В. Х. Казина — по истории мундира. Центром моего собрания сделался Великий Князь Константин Павлович¹⁸, соединивший в своей своеобразной личности <нрзб> Гатчины и ученика Суворова, отрекшегося императора и главу русской гвардии 1805—1814 гг., польской армии 1814—1830 гг. и литовского корпуса с 1817—1837 гг. Портреты Константина Павловича, формы его войск и батальонные сюжеты его времени с 1799-го по 1837 г. включительно, и, конечно, портреты военных деятелей той же эпохи,

русских, польских и французских оставались ядром коллекции до конца, а подбор портретов К. П. был едва ли не самым полным в России. Была и, соответственно, библиотека, включавшая немало редчайших изданий¹⁹. К сожалению, участь моих собраний была довольно печальная. При мобилизации 1914 г., решая избавить жену от лишних хлопот в случае моего невозвращения с фронта или выселения с квартиры в саперных казармах по другой причине, я уложил все собрание и библиотеку в 30 больших ящиков и поставил их в свернутый музей батальона. Когда я вернулся с фронта в апреле 1918 г. по расформировании полка, я не застал ни запасного батальона, ни музея. Музей я разыскал в гараже частного дома, позаботился о принятии его под охрану музейным отделом, а затем перевозкой в здание Суворовского музея; из своего собрания и книг я из 30 ящиков нашел лишь 14, да и то несколько из них неполными. Тяжелое материальное положение семьи в голодные 1918—1922 годы заставило меня ликвидировать невоенную часть собрания, а из военной — миниатюры. Однако основная военно-историческая часть собрания сохранилась и даже несколько пополнялась, особенно библиотека, до моего отъезда из Ленинграда в 1926 г. После того все перешло к моим детям, большую часть мой сын Сергей перевез к себе на 7-ю Красноармейскую, где после его кончины 6 января 1942 г. поселившиеся в его квартире чужие люди сожгли и уничтожили более 7 ящиков книг, гравюр и рукописей, и набитые ими книжные шкафы, и большой письменный стол, и то, что было у сына на стенах. Большую часть немного оставшегося у дочери я передал в Гос. Историческую Библиотеку. Некоторые предметы моего собрания были экспонированы на выставках Общества любителей изящных изданий на тему 1812 года в СПб и на Бреславинской <?> юбилейной выставке 1913 г.

Мои ремешковые увлечения

Меня всегда интересовала история одежды, особенно военной форменной. За границей изучение мундира было в почете и создались особые дисциплины: мундироведение (*Uniformkunde*) и знаменоведение (*Fahnenkunde*). В своих печатных трудах, в музейной и коллекционерской работе, сознаюсь, я отводил очень большое место истории мундиров и знамени — меня возмущали грубые ошибки баталистов, постановщиков кинофильмов и театральных пьес и авторов исторических романов и пренебрежение их к исторической правде по этим вопросам. Одна из моих последних рукописей посвящена выяснению многочисленных (свыше 200) ошибок по этой части Л. Н. Толстого в «Войне и мире». Этот мой «мундирный» уклон был подмечен моими недоброжелателями с М. К. Соколовским во главе, и в статье, конечно под псевдонимом, он довольно прозрачно отнес меня к числу «ремешковых историков». Я не уклонился от принятия этого эпитета, т. к. он отчасти справедлив, хотя и показывает недооценку значения мундироведения и знаменоведения как особых дисциплин истории материальной культуры.

Мои «сражательства»

Упоминание о М. К. Соколовском приводит меня к признанию в моей, быть может, чрезмерной горячности в полемике и в борьбе с профанированием работы военного историка, халтурно-журналистскими методами работы²⁰. Точно так же я не стеснялся бороться с ошибочными утверждениями наиболее признанных авторитетов вроде Н. Е. Бранденбурга и П. О. Бобровского. За 1910—1914 гг. и в «Русском Инвалиде», и в «Журнале Военно-Исторического Общества» было напечатано немало моих полемических и критических статей²¹, однако более длительную войну мне пришлось вести с названным М. К. Соколовским. С 1910 г. мне несколько раз приходилось осаживать его неблагоприятные попытки рекламности и пронищества по отношению к Совету Военно-Исторического Общества,

нападков (конечно, под псевдонимом) на членов Совета, а в 1920-х годах — попыток уничтожить прекрасный музей Военно-учебных заведений, с любовью сохраненный и развернутый А. А. Крутецким, и присоединить его коллекции к своему халтурному Военно-учебному музею. Спасая ценные фонды, собранные тем же Соколовским во время войны и в начале революции в музей возглавляемого им общества Ревнителю Истории, от гибели и порчи при использовании для спектаклей, пришлось фонды названных двух музеев, содержащихся в безобразном виде, изъять из рук энергичного, но недобросовестного директора их и распределить между серьезными военными музеями и фондами. Отнюдь не желая вредить Соколовскому, я при следствии о его музейной деятельности не скрыл его неправильных действий, но подчеркнул, что все же эти два музея созданы его энергией и он пострадал не тогда, а позже за разные аферы и использование своего положения в музее для корыстных целей.

Мои друзья и недруги

Начну с «недрузгов» на историческом поприще. О главном, М. К. Соколовском, я уже говорил. Явно недружественные действия под маской доброжелательства проявил также преемник В. В. Кварди по изданию <истории> Главной Квартиры В. К. Шенк²². Он же председатель Трофейной комиссии, созданной по почину П. И. Белавенца. Так же настроен был сперва и последний, бывший приятелем Соколовского и ревновавший меня к параллельной работе по знаменоведению. В 1913 г. при обнаружении злоупотреблений в этой комиссии, снятии Шенка и реорганизации комиссии я был приглашен в нее новым председателем полковником Петиним. Я отказался, указав на враждебные выпады Белавенца, но последний явился ко мне с извинениями. Я тогда согласился, и на общей работе с Белавенцем примирился с ним и со многими его неприятными сторонами, ценя в нем его фанатическое служение знаменоведению. Позднее, на службе в музейном отделе, я всегда его поддерживал. Так же было и со многими лицами, вовлеченными Соколовским в созданное им после неудачной попытки попасть в Совет Военно-Исторического Общества новое общество Ревнителю истории. Я несколько раз отказывался от настоятельных предложений Соколовского вступить в него и не вступил. Позднее многие из сателлитов Соколовского оставили его и некоторые сблизилась со мной.

К сожалению, мне несколько раз пришлось потерпеть не только от недругов, но и от людей, с которыми я был в дружественных отношениях. Так, в 1903 г. редактор Инженерного очерка по истории инженерных войск в «Столетии Военного Министерства», И. Г. Фабрициус, сверх двух тысяч казенных экземпляров очерка выпустил двести своих с другой обложкой и заглавным листом, на котором значилась только его фамилия, хотя в составлении очерка участвовали еще инженер-полковник Попов и я, разработавшие самостоятельные отделы этого очерка. Несколько позднее В. В. Квадри, вообще проявивший не раз искренне-дружеское отношение ко мне и просивший составить для «Истории Свиты» главу о Польской Свите (и польской армии) Ал<ександра> I, условился со мной, что отдельные оттиски этой главы будут выпущены с моей фамилией как автора и что я получу 30 таких оттисков. Однако я получил один оттиск с моей фамилией, 30 оттисков с его и моей, остальные же экземпляры²³, подносившиеся высокопоставленным лицам и посланные в варшавские книжные магазины, носили только его фамилию. Неудивительно после этого, что, когда в 1911 г. по просьбе В. К. Шенка я составил 2-е издание справочной книжки «Инженерные и железнодорожные войска», наново разработав по моим архивным изысканиям 1901—1907 гг., условия о помещении моей фамилии не были соблюдены и красовалась только фамилия Шенка. На мой протест Шенк объяснил, что будто бы начальник военно-походной канцелярии генерал Орлов

не разрешил на издании Главной Квартиры помещать фамилии лиц, в ней не служащих. Только на одной из следующих страниц Шенк поместил указание о моем участии в работе. Вообще, к слову сказать, я совершенно не умел извлекать материальные и какие бы то ни было выгоды из своих печатных трудов. Так, выпущенный в 1907 г. по предложению Главного Инженерного управления труд «Опыт краткой хроники родословной русских инженерных войск» чуть не ввел меня в большие расходы, т. к. вышел за пределы отпущенных на то сумм и только с трудом удалось получить погашение моих расходов. Продажа этой книги не могла что-либо дать, т. к. за отпущенные ГВИУ суммы я передал в его распоряжение несколько сот экземпляров для рассылки во все инженерные части и учреждения. В 1912 г. частное издательство, заказавшее мне обширный труд «Роспись русским полкам 1812 г.», убоилось расходов и отказалось, и я передал рукопись в «Военно-Исторический Вестник» наполовину по пониженным расценкам, наполовину даром, учитывая скромные ресурсы киевской редакции. Громадная работа по составлению истории и музея гв. сапер ничем не была отмечена. Командир батальона генерал-майор Подымов не сделал к тому ни одного шага.

Гораздо больше, несравненно больше, чем недругов, я встретил на военно-историческом поприще искренних друзей и доброжелателей. О них ниже. Сейчас же коснусь недругов на служебном поприще. И здесь было друзей несравненно больше. Недругов же было очень мало, скорее не недруги, а начальники, которым я давал в соответствующих случаях должный отпор. Будучи не честолюбивым, но болезненно самолюбивым и, может быть, даже мнительно-обидчивым, я всегда предпочитал держаться подальше от начальства. Бережно относясь к личному достоинству и самолюбию подчиненных, я требовал такого же отношения от начальства к себе и к моим подчиненным. Почти все без исключения мои начальники со школьной скамьи ценили и отмечали мою усиленную напряженную работу. Столкновения у меня были лишь с теми из них, которые были склонны к проявлениям самодурства. Так, в 1899 г. у меня было столкновение с командиром гренадерских сапер, полковником Николенко, в 1915<-м> — с командиром гв. корпуса генералом Безобразовым, в 1920<-м> — с начальником петрукрайона тов. Авровым и в 1937<-м> — с начальником отдела оформления техинспекции инженером Знаменским. Все эти столкновения были довольно крупными и грозили мне немалыми неприятностями, но благополучно ликвидировались, т. к. все-таки эти начальники достаточно ценили мою работу.

Гораздо лучшими были отношения с подчиненными. Могу припомнить только двух лиц, с которыми у меня бывали столкновения: мой бывший товарищ по училищу капитан Энгельгардт, нервно-неуравновешенный, на войне в 1915 г. два раза устроил мне скандалы в ответ на мои попытки прервать губительные для него выпивки; и командир 2-й саперной роты капитан Б. А. Фредерикс II, каждое мое приказание в 1915—1916 гг. принимал с протестом, усмешечкой и каким-то внутренним сопротивлением, которое приходилось преодолевать, и наговаривал на меня генералу Подымову. Позднее он всегда сознавался, что был не прав.

В период прикомандирования к гв. саперам в 1900—1901 гг. (по случаю и другим случаям) при поступлении в Археологический институт мне пришлось несколько раз дать резкий отпор попыткам снобировать меня со стороны некоторых старших офицеров (Гейерманса, Заботкина и Кирпичева), а в 1904 г. — Зеленского при переходе в штаб бригады.

Не могу умолчать и о печальных явлениях в первые месяцы революции на фронте, особенно остро сказавшихся под Тарнополем в июне 1917 г. Старые офицеры осознали глубину и значение случившегося и необходимость перестройки на новых началах всего уклада службы и быта, но некоторые из молоде-

жи слишком остро переживали утрату некоторых прерогатив и были отчасти недовольны моими «уступками» новому течению. Во время стоянки под Тарнополем, когда на бурных заседаниях полкового и ротных комитетов и наличных рот полка мне удалось ликвидировать грозившие целости и боеспособности полка крайние течения — в ударники наступления и в тыл, я, совершенно разбитый, приехал в Тарнополь на общее собрание офицеров. Опять повторились те же опасные для полка явления, и опять в почти истерических формах. Ликвидировать их удалось лишь с трудом. Увидев признаки неудовольствия некоторых молодых офицеров, я отказался выставлять вновь свою кандидатуру в полковой комитет нового состава. Узнав об этом, солдаты, члены комитета, передали офицерам, что, в случае, если я не буду избран, они не примут ни одного представителя от офицеров в комитет. Мне пришлось уступить настояниям тех и других. В тот же день состоялось под моим председательством заседание офицерского суда чести по письменному заявлению армейского офицера, сообщавшего, что поручик Воронец публично ударил его жену по лицу. Поручик Воронец вернулся перед тем из командировки в авиационную часть и крайне возмущался новыми демократическими порядками в полку. На собрании он особенно нервно и рьяно выступал за объявление нас ударниками наступления. Положение суда было трудное: муж потерпевшей спрашивал: «Признают ли офицеры гвард. сапер возможным, чтоб в их среде оставался человек, ударивший женщину?» Пришлось вынести постановление о предложении поручику Воронцу перейти в другую часть. Он воспринял это очень болезненно. Я указал ему, чтоб он теперь использовал свои намерения о переходе в ударники, а потом все устроится. Он как будто успокоился, но ночью застрелился. Это легло тяжелым камнем мне на душу и осталось на всю жизнь самым тяжелым воспоминанием²⁴.

МОИ ИСПЫТАНИЯ 1921 г. И С 1926-го ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Считаю необходимым с полной откровенностью и несколько подробнее, чем остальные части автобиографии, коснуться всего, связанного с моими испытаниями, кратковременным <— в>1921 г. и почти непрерывными с 1926<-го>.

В первых числах марта 1921 г., в бытность свою начальником (отрук) 21-го Военно-полевого строительства в Ленинграде в период усиленной подготовки строительства к действиям против восставшей кронштадтской крепости, при <нрзб> панике и внезапных массовых, почти повальных арестах высшего состава округа, до начальника штаба округа включительно, я также был арестован и пробыл в ДПЗ до конца марта, но после первого же допроса был освобожден. Следователь Соловьев отметил прекрасные отзывы о моей работе всех прежних комиссаров строительства и спросил, известно ли мне, что за мою работу по обороне Ленинграда против Юденича в 1919 г. и службу в Красной Армии белые обвинили меня в измене и заочно приговорили. Я ответил, что всегда служил Родине и власти, признанной народом, от старой присяги был освобожден и волен служить Родине по-прежнему и при новой власти.

Серьезно заболев после этого испытания, я пролежал месяц в больнице и просил освободить меня от заведования строительством по болезни и переведен в Управление начальника инженерного округа, а в июле того же года демобилизован.

12 декабря 1925 г. я был вызван к следователю Денисову как свидетель по делу оккультного кружка Г. О. Мебеса и М. А. Нестеровой, из которого вышел еще весной 1925 г. и который имел все основания считать разрешенным. Тов. Денисов еженедельно до марта 1926 г. вызывал меня, а в марте объявил

мне: «Вы нам неинтересны. В вашем кружке нет ни политики, ни сношений с границей. Ваши же все показания оказались правдивыми». Однако в мае я был вызван к нему вновь и, когда не считал возможным назвать и тем подвести под ответственность слушателей моих вступительных лекций по энциклопедии оккультизма в зимы 1923—24 и 1924—25 гг., он меня привлек к ответственности по статье 109 старого кодекса. На мое же объяснение, что она не применима к моему случаю, так как не было корыстного намерения, он ответил, что, за неимением более подходящей, на основании ст. 10-й приходится применить ее.

В ночь на 15 июля 1926 г. я был арестован. В ордере значилось, что постановлением ОСО ГПУ от 18 июня 1926 г. я назначен к адмвысылке на 3 года в область Коми на основании статьи 61-й старого УК.

После полуторамесячного этапа я прибыл в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), а через неделю по получении бумаг о нас назначен оттуда в Усть-Вым. Отсюда я подал протест против применения статьи 61-й, совершенно не соответствовавшей данным следствия. Службу в Усть-Выме мне получить, конечно, не удалось, серьезную историческую работу за отрывом от источников интенсивно продолжать не смог и перешел частью на литературно-графические работы по глубоко изученным ранее вопросам декабризма и аракчеевского военного быта изученной эпохи (1796—1856).

По амнистии 1927 г. высылка была мне сокращена на 1/4 срока, но вернуться в Ленинград не смог, так как мне было дано «—б». Я выбрал Курск с его более теплым климатом и переехал в октябре 1928 г. И здесь служебной работы получить не удалось, и я продолжал свою историческую и литературно-графическую работу на дому и избегал бывать где-либо.

6 марта 1930 г. я был вновь арестован...

В декабре я был переведен в общую камеру, где встретил лиц, привлеченных по тому же делу, из которых знал только двоих, покойных <ныне. — *Ред.*> А. В. Бородин и А. В. Малова.

24 февраля 1931 г. я был переведен в Кресты, а 9 июня 1931 <г.> мне был объявлен приговор КОО ГПУ от 10 мая 1931 <г.>. По статье 58-11 УК на 10 лет концлагеря отправлен был 21 июня с 2 вагонами обвиняемых по тому же делу, 25 июля прибыл на Соловки. Здесь я сразу начал работать как ударник-письмоводитель роты общих работ, зав. картотекой УРБ Кремля, архивариус финчасти и читал лекции по военной истории Соловков. 21 ноября 1933 г. при реорганизации Соловецкого лагеря я был отправлен на материк на Медвежью Гору, где и продолжал свою работу ударником (картотечник УРО и письмоводитель отдела снабжения). Осенью 1934 г. я был затребован в Дмитлаг и 22 октября отправлен в гор. Дмитров для работы по специальности в редакции монографии о Беломорканале. Я и здесь продолжил ударную работу как помтехредактора монографии, хранитель музея строительства канала Москва — Волга и старший инженер техинспекции. К концу работ строительства в мае 1937 г. у меня уже было 2 года зачетов рабочих дней, и, кроме того, я был одновременно 3 раза представлен к льготам и досрочному освобождению и по редакции, и по музею, и по инспекции.

5 июля 1937 г. я был освобожден досрочно, как сказано в удостоверении Дмитлага от того же числа за № 463245, «в связи с окончанием строительства канала Москва — Волга за ударную работу». От главинспектора инженера Фридмана я получил лестную рекомендацию (копия прилагается) для поступления по вольному найму на Куйбышевское строительство и был зачислен кандидатом, но за сокращением планов места не получил.

Освобождение 5 июля застало меня больным тяжелой формой малярии. Проболев полтора месяца в Дмитрове же, я 23 августа переехал в Талдом Моск. обл., чтобы быть ближе к Дмитрову в связи с хлопотами о поступлении на Куйбы-

шевское строительство, которое там организовывалось. В Талдоме я был приглашен А. Е. Стефановичем на временную работу в Музей местного края, но после 2 1/2 месяцев мне пришлось ее прекратить, т. к. областной инспектор Роза Борц (вскоре уволенная) нашла нежелательной работу в музее бывшего з/к и полковника. Не желая подводить зав. музеем, я поспешил прекратить работу.

Я съездил в Москву в Наркомпрос в отдел музеев, указал на постановление ВЦИК СССР от 14 июля 1937 <г.> п. IV о предоставлении работы освобожденным ударникам, мне было подтверждено полное мое право на такую работу и обещано назначение, но таковое так и не состоялось. Подавал я заявление и в талдомское РОНО, и на строительство Рыбинского узла, и в музейный отдел, но места не получил.

Ухудшение здоровья после всего перенесенного заставило меня подать заявление о переводе на инвалидность, и 3 октября 1938 г. (л. 106) талдомская ВТЭК дала мне удостоверение об инвалидности на год, а 3 ноября 1939 г. — бессрочно. Талдомский собес на мою просьбу о пенсии указал, что 22 1/2 года службы в старой армии не засчитываются и вообще осужденным по ст. 58 пенсии не полагается. Начались трудные материальные испытания и положение иждивенца моей жены, С. Г. Розен, с ее скромным окладом медсестры. Правда, до 1942 г. мне, сколько мог, помогал мой покойный сын, доцент С. Г. Габаев, погибший в блокаду Ленинграда, да изредка печатались мои исторические статьи.

16 января 1941 г. мне было объявлено, что ввиду расширения запретной зоны на всю Московскую область я должен покинуть Талдом, и мне дан новый паспорт VPIII № 552313 с пометкой: «выдан на основании ст. 39 положения о паспортах» (на старом паспорте, выданном в Дмитрове в августе 1937 г., сколько помнится, было указано, что он выдан на основании сношения Дмитлага за соотв. № и числом).

Мы с женой выехали в Калязин Калининской обл. 23 января 1941 г., где и прожили до августа 1943 г., а затем в Калязинском районе в селе Семеняево и деревне Бачманово (Леонтьевский с/с) по месту работы жены.

Крайне бедственное материальное положение и советы дружески расположенных научных работников, считавших, что мой 43-летний стаж научно-исследовательской работы дает мне право и шансы на получение персональной пенсии, побудили меня подать просьбу о таковой 8 августа 1944 г. Я получил ответ отдела по назначению персональных пенсий наркомсобеса от 17 августа 1944 г. № 7/30 о том, что просьба моя с 21 приложением направлена в Калязинский облсобес и что мне необходимо приложить еще ходатайство облисполкома, удостоверение о снятии судимости и засвидетельствование исключительных заслуг перед Родиной.

Ходатайство мое было направлено в Калязинский райсобес. Я убедился в безнадежности дальнейших попыток и просил райсобес вернуть мне мое заявление со всеми к нему приложениями, что и было исполнено 23 января 1945 г.

Наше крайне тяжелое материальное положение, грозившее нам скорой гибелью, побудило мою дочь Ольгу Георгиевну Габаеву (техника-конструктора Облпроекта Ленсовета, участницу обороны Ленинграда, награжденную медалью), прийти нам на помощь, пригласив нас на свою жилплощадь (Ленинград, ул. Красной Конницы, 12, кв. 67). Ее усиленные хлопоты наконец увенчались успехом. Согласно присланному ею вызову Исполкома Ленсовета от 29 июня 1944 г. № 67/789 и согласно пропуску Калининского облуправления милиции от 10 августа № 030755 мы с женой прибыли в Ленинград 6 сентября 1944 г. По выполнении ряда формальностей я был прописан 16 сентября по 23 отд. милиции на жилплощади дочери. Однако 22 сентября, при обращении в то же отделение для заполнения контрольного листка на паспорте, прописка была

аннулирована и мне предложено выехать в 48 часов на 101 км. Таким образом, все надежды рухнули и хлопоты <нрзб> дочери <нрзб> оказались напрасными.

Вернувшись домой, я перенес нервный удар и слег. Приглашенный участковый врач нашел положение серьезным и дал направление в стационар 38-й поликлиники, но начальник паспортного стола настаивал на немедленном выезде, и, как только я смог хоть сколько-нибудь двигаться, мы выехали 1 октября 1944 г. в Киришский район Ленобласти, куда жена получила назначение от Облздравотдела. Приехав больной и пролежав 3 суток на вокзале, за невозможностью найти квартиру в новом центре Киришского района, поселке Будогощь, я, совершенно больной, 4 октября был принят в районную больницу. 19 октября больница временно закрылась, и я был выписан; с тех пор живем в Будогощи <зачеркнуто: в ужасающих бытовых условиях, в углу кухни общего пользования густо заселенного домика и в глубокой нужде> в бытовых условиях, крайне затрудняющих выполнение моего желания закончить мои научные работы <написано вместо зачеркнутого другими чернилами>.

При следствии мне настоятельно предлагали «сознаться», обещая всякие облегчения, но я мог только сказать: «Мне не в чем сознаваться, а лгать не стану ни на себя, ни на других». И в концлагере 1931—1937 гг., и в 1941 г. при вызове в милицию в связи с расширением запретной зоны мне снова настойчиво советовали просить о смягчении участи, но т. к. при этом опять требовалось изъяснение раскаяния в содеянном, а я ничего преступного не сделал, то выдумывать на себя не считал и сейчас не считаю возможным.

К этому могу добавить, что явная нарочитость и искусственность так называемого дела Платонова и Академии наук 1930 г. уже к середине 1931 г. стала, по-видимому, осознаваться. И сам Платонов, и другие, так сказать, центральные фигуры, дело которых разбиралось под конец, пострадали гораздо менее, отделавшись высылками. Пострадали же гораздо тяжелее «стрелочники», сотни менее крупных, но преданных Родине и своей специальности полезных научных работников, искусственно пристегнутых к делу Платонова. Многие, в особенности из центральных фигур, сумели быстро реабилитироваться и даже занять выдающееся положение. Многим удалось вернуться к любимой научной работе и к источникам таковой — научным хранилищам в крупных центрах.

(апрель 1945)

Автобиография Г. С. Габаева хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде Габаева — ф. 1001.

¹ Много проверено по сохранившимся документам, которые и прилагаются. Остальное излагаю так, как оно отложилось в моей памяти.

² Много мог бы рассказать еще в дополнение к сказанному здесь, но и так мой «отчет перед Родиной» слишком разросся, м. б. еще часть — оставить — воспоминания <нрзб>.

³ Мои гувернантки Элиз де Сурави, Элиз Кенш, гувернер Боъ де Корве и русский учитель Н. И. Хабровский давали знания, но влияли мало.

⁴ Кроме того, разжалован из кандидатов в вице-унтер-офицера, 5 суток карцера и без отпуска до Рождества.

⁵ Словом, это были не «кадетские» годы, а скорее «студенческие» в стиле 1870 гг. <нрзб> выпуск 15 <нрзб>.

⁶ 18-Х 1901 я женился в Москве (венчаны у Спаса <нрзб>) на Александре Сергеевне Мезенцевой (1876—1942). Имел от нее сыновей — Виктора (1901—1930), молодого инженера; Сергея (1902—1942), ученого-агронома, доцента с. х. <Сельскохозяйственного> института, и дочь <нрзб> в Л-де.

⁷ Могу смело сказать, что музей гв. сапер был не только «собран», но и создан <нрзб>.

⁸ Составленная мной глава о 14 декабря была заменена другой, т. к. я не хотел перепевать Корфа и занялся выяснением роли роли лицеистов в этот день.

⁹ Подробный хоть и далеко не полный перечень печатных и рукописных и графических послал 14/V. 42 в Гос. <нрзб>.

¹⁰ Из действий под Вильной (VIII-1915) могу отметить еще эпизод: комбат был при штабе корпуса. Я замещал его при штабе нашего батальона, при котором были собраны инженерный корпусный парк и 3 ротных мостовых парка, обоз батальона и знаменный взвод в 15 винтовок. Мы стояли в 7 верстах западнее Вилии. Мне сообщили, что правее нас казаки сразу отошли на 30 верст. Телефонная связь со штабом корпуса была порвана. Я <нрзб> на себя ответственность решения <нрзб>.

¹¹ Ни вперед, ни назад хода им не было.

¹² Вообще в этой роте и фельдфебель и все 4 взводных имели по 4 Георгиевских креста и по 4 медали.

¹³ Считаю долгом и то отношение к гвардейским саперам и гвардейцам вообще и своим правом горячо протестовать против обвинений, на лету брошенных генералом Брусилковым в его воспоминаниях о его <нрзб> прорыве 1916 г. Он довольно неодобрительно отозвался о подготовке гвардии к прорыву, в частности в инженерном <нрзб>.

¹⁴ Считал себя анархистом.

¹⁵ Мне исполнилось 40 лет — я имел право на демобилизацию, страшно переутомился и отказывался от командования. Солдаты полкового комитета заявили мне официально, что, если я уйду, они не переизберут в комсостав ни одного офицера.

¹⁶ Чтобы быть справедливым, необходимо отметить, что на фронте г.-л. Подымов берег сапер. Иногда он даже нарушал свою барствленную нирвану, умно и деловито разрубал гордевы узлы <нрзб>.

¹⁷ Невоенных членов совета проф. Веселовского и К. А. Вронского <?>.

¹⁸ Бросил собирать по Наполеону и Николаю I — собирали и другие, — а выбрал К. П., которого никто не собирал.

¹⁹ Предметы моего собрания я охотно предоставлял для исследования в исторических изданиях, особенно они использованы в «Истории Свиты», журнале «1812 год» и <нрзб> общин св. Георгия на темы XVIII века.

²⁰ Пришлось сражаться с необоснованными выступлениями Дмитревского, Поликарпова, С. Гуревича и др.

²¹ См. список в перечне моих работ, переданных в Историческую библиотеку.

²² О «подвигах» Соколовского и Шенке можно бы рассказывать много показательного.

²³ Сколько помнится, полтора или двести.

²⁴ О кончине Воронцова мне известно <нрзб>.